

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА В ТЕКСТЕ И СЛОВАРЕ

Г.В. Судаков
Вологда

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

К языку надо относиться честно.
Н.В. Гоголь.

Изучение истории русского слова предполагает выяснение времени от времени тех проблемных ситуаций, которые сдерживают прогрессивный ход развития одной из древнейших отраслей лингвистической науки – исторической лексикологии. Эти проблемные вопросы следует разделить на две группы: а) проблемы развития лексики в целом, б) проблемы изменения формы и семантической структуры отдельно взятого слова. То и другое одинаково важно, но первая группа проблем реже принимается во внимание, хотя никакое историко-лексикологическое исследование не может быть корректным, если исследователь не имеет какой-то версии развития словарного состава в интересующий его исторический период. Историческая лексикология русского языка как обобщение истории русского слова состоит из следующих трех компонентов: 1) описание на определенном историческом отрезке *истории отдельных слов* с их семантическими и словообразовательными связями, 2) изучение *формирования и функционирования основных лексических групп*, 3) *исследование важнейших процессов* в лексической системе языка.

Попробуем по порядку сформулировать проблемы первой и второй группы и проиллюстрировать некоторые из них, опираясь на последние по времени публикации. Отметим, что интересующие нас вопросы в общем виде были рассмотрены в книге: [1], позже регулярно затрагивали в своих публикациях Л.Ю. Астахина, В.В. Колесов, К.П. Смолина, О.А. Черепанова и др. [2].

Проблемы изучения общей истории русского лексикона

1. Отсутствие или нечеткость периодизации истории русского слова. Если с начальной границей этой истории более или менее

ясно: это первые памятники письменности, то о конечной точке, кажется, мы мало ещё и задумывались, хотя очевидно, что язык «от Пушкина до Горького» отошёл в историческое прошлое и словарь современного русского литературного языка при всём уважении к традициям начинается с двадцатых годов XX века, поскольку лексика – феномен чрезвычайно подвижный. Важным является также определение границ между древнерусским и старорусским периодами или между старорусским (донациональным) и новорусским (национальным) периодами. Даже если и не удастся достичь единства мнений по поводу хронологических границ (см. наш вариант: [3]), то и при наличии разных периодизаций важно знать, какое направление избрал тот или иной исследователь, чтобы понимать ход его мыслей. Положительный эффект такой дискуссии – формирование критериев, оснований для периодизации, т.е. выявление определяющих факторов развития истории слова.

2. Время и интенсивность процесса «славянизации» в русской лексике. Причем здесь важно не только количественное преобладание или уменьшение числа славянизмов, но их влияние на словообразовательные процессы, на общую стилистическую тональность контекстов и отсюда – на «заражаемость» разговорной и просторечной лексики книжно-славянскими интонациями.

3. Интенсивность процесса освоения просторечно-разговорной лексики литературным языком. Если принять во внимание разговорный элемент в агиографических текстах XV–XVIII вв., обилие диалектных и просторечных лексем в деловой письменности, начиная со времени первых берестяных грамот, влияние московских канонов приказного письма, то, вероятно, следует признать старорусский литературный язык гораздо более демократичным, чем это пока декларируется сложившейся научной традицией.

4. Временные границы и интенсивность влияния иноземных элементов на развитие русского слова по периодам: греко-византийское воздействие, тюркоязычное влияние, финно-угорское взаимодействие, украинско-польское посредничество, западноевропейское (немецкое, французское, английское) влияние и т.д.

5. Факторы, определяющие развитие словарного состава в каждый конкретный исторический период, и те языковые страты, в которых в этот период происходят решающие для всего лексикона динамические или функционально-стилистические изменения.

6. Типология лексических групп, динамично меняющаяся с изменением факторов развития лексико-семантической системы. Для этого, вероятно, необходимы сравнительно-сопоставительные исследования структуры нескольких лексико-семантических групп с учетом специально избранных критериев, например: способность группы к номенклатурному дроблению; соотношение родовых и видовых наименований в составе группы; степень аналитичности группы (соотношение числа мотивированных и немотивированных слов); степень развития синонимичности в группе (отдельно – для родовых и видовых слов); контекстуальная закреплённость значений и т.д.

Рассмотрим одну из указанных особенностей с учетом её проявления в старорусской лексике. Способность группы к номенклатурному дроблению, с одной стороны, стимулируется социально-культурными и иными потребностями социума в наличии разнородных и разнохарактерных реалий предметного мира или духовных явлений, а, с другой стороны, ограничивается множеством ситуаций, когда точное название предмета не обязательно. Причем это в равной мере касается как наименований предметов (слов с конкретным значением), так и названий духовных процессов и действий. Обычно это называют диффузностью или синкретизмом значений [4;5]. Но, во-первых, размытость границ денотата – нормальное явление в номинации и в повседневной речевой практике (кто из нас, кроме профессионалов, разбирается хотя бы в разновидностях сосудов для питья, столовых тарелок, ножей и пр.?!). О размытости как общем свойстве денотативных границ писал У. Лабов [6]. Размытость границ денотатов обуславливает нечеткость смысловых границ многих слов. Во-вторых, следствием вышесказанного является отсутствие жесткой закреплённости слова за реалией определенного вида [7]. Можно говорить о существовании взаимозависимости между объединением функционально близких реалий и группой соответствующих им слов: почти все близкие по внешним признакам реалии могут быть названы почти всеми словами соответствующей лексической группы, т.е. почти каждая отдельная реальность сообщества может быть названа почти любым или во всяком случае несколькими словами из соответствующей лексической группы: *блюдо – тарелка – ставец, ларец – скрыня – коробка – шкатулка*. См. характерные признания старорусских писцов: *В прежних переписных*

книгах тот сундучок написан скриня с черпаками шитими (1690 г. – Русская историческая б-ка., т. VIII. Спб., 1884, с. 965); В прежних переписных книгах написана та шкатунка скринка подорожная небольшая с посудю оловяною столовою (там же, с. 1039). Если это называть проявлением синонимичности лексем, то, вероятно, это и синонимичность особого рода.

7. Неодинаковая значимость лексем и целых лексико-семантических и тематических групп для речевой практики социума и главное – неодинаковая роль их в процессе функционирования и развития лексико-семантической системы языка. Составление реестра актуальных в этом отношении лексем и лексических групп – важная задача исторической лексикологии русского языка.

Названные общие проблемы развития лексикона могли бы быть учтены в обобщающей монографии по исторической лексикологии русского языка, которая стала бы одновременно важным моментом консолидации мнений ученых. По крайней мере, несогласные с концепцией обобщающего труда могли бы заявить о своем видении этих проблем, что способствовало бы дальнейшему прогрессу науки об истории языка.

Проблемы, касающиеся истории отдельного слова

1. Один из наибольших грехов в работе над историей отдельно-го слова – это некорректный выбор источников. Прежде всего мы имеем в виду случаи, когда источником (одним из источников) избираются словари. Некоторые коллеги, особенно юные, относятся к словарю, как к Библии, и без раздумий переносят в свои работы все данные словаря, включая их ошибки, огрехи и прямые недостатки. В одной из своих работ мы уже показали, как плохо соотносятся совершенно темные, семантически невнятные цитаты и содержащиеся в некоторых новейших лексикографических трудах толкования значений слов, как исследователи, не имея семантически прозрачных и ясных иллюстраций, приписывают «историческим» словам значения из словаря Даля или современных диалектных словарей [8]. По справедливому мнению Н.Ю.Шведовой, все групповые отношения, в которые вступает слово (частеречные, лексико-семантические, собственно грамматические, словообразовательные – для производных слов, деривационные, синтаксические связи, семантические связи, стилистические, функциональные – сфера упот-

ребления, хронологические и локальные, квалификационные и оценочные, орфоэпические, акцентологические, орфографические), должны быть в той или иной мере подтверждены иллюстрацией – оправдательной цитатой [9]. Ср. по этому поводу замечание Л.В. Щербы: Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров [10]. Между тем иногда исторические словари фиксируют историческую лексику почти как экзотическое явление вместо того, чтобы давать разнообразный материал, иллюстрирующий значения слова и особенности его употребления. Сдержанное отношение исследователя к памятникам письменности или боязнь работы с ними – верный признак поверхностного труда. Без глубокой основательной работы с текстами не может быть научной истории языка. Иерархия исторических источников (по степени их значимости для исследований по истории русского слова) видится нам следующим образом: а) исторический текст (оригинал или добросовестная публикация), б) словарь языка соответствующей эпохи, в) научные источники по истории материальной или духовной культуры соответствующей эпохи (по истории той сферы жизнедеятельности общества, к которой имеет отношение фрагмент изучаемого лексикона), г) словари языка более ранних или более поздних периодов.

Для истории русского слова нет источника более надежного и более коварного, чем исторический письменный текст. В свое время профессор С.И. Котков (1906–1986) сформулировал основные требования к лингвистическому источнику и тем самым заложил начала лингвистического источниковедения (см. его книгу «Лингвистическое источниковедение и история русского языка». М., 1980). Специалисты по исторической лексикологии и знают, что контекст, извлеченный из письменного источника, иногда оказывается единственным, к тому же и невнятным в отношении лексической семантики исследуемого слова. Идеально, когда исследователь имеет дело с оригиналом – рукописным текстом источника и квалифицированно читает и интерпретирует его. Проблематично вести исследование на основе изданного источника, здесь решающую роль играет личность автора издания и зависящий главным образом от этой личности «критерий достоверности» [11]. Разные источники неодинаково отражают историю слов и динамику лексико-семантических процессов в языке: одни фиксируют смещение родо-видовых соответ-

ствий в тематической группе, другие запечатлели процесс движения «от конкретного к абстрактному» в пределах одного текста. Укажем ещё на гапаксы и созданные воображением публикаторов и исследователей псевдогапаксы и вспомним отношение И.И.Срезневского к подобным словам-недоразумениям: когда он сомневался в подлинности существования слова, то вносил его в словарь со знаком вопроса, намечая перспективу в разрешении вопроса для будущих исследователей.

Необходимо учесть, что история русского слова XVIII–XIX вв. изучалась некоторое время главным образом на основе печатных источников (например, это стало принципиальным положением для составителей Словаря русского языка XVIII века, см. также работы Сорокина Ю.С., Веселитского В.В.), что, естественно, не обеспечивало всей полноты картины явлений и процессов, происходящих в словарном составе, особенно для XVIII в, когда преобладали столичные издания, а провинциальная печать и книгоиздания фактически отсутствовали. Между тем обращение к местной письменности (см. работы Глинкиной Л.А., Выхрыстюк М.С., Малышевой И.А., Никитина О.В., Трофимовой О.В. и др.) существенно расширяет представления о всей картине происходящего в языке (12). Применительно к XIX веку, когда заметно возросла местная пресса (губернские и епархиальные ведомости, записки архивных комиссий, адреса-календари и т.д.), появились краеведческие издания, можно сосредоточиться на этом массиве источников.

2. Второе обстоятельство, снижающее качество исследований, — это невнимание к сочетаемости слова, нежелание учесть разнообразные контексты употребления слова (атрибутивные, объектные и т.п.), хотя для исторического слова, когда исследователь не может опереться на собственный опыт носителя языка, эти вещи более важны, чем для современной лексемы, тем более что с этим связано и выявление многообразных вариантов и модификаций самого изучаемого слова: фонетико-графических, словообразовательных, морфологических и пр.

Мнение о начале в национальный период осознанного отношения к проблемам развития и функционирования языка вполне справедливо и никем не оспаривается. Тем любопытнее более ранние (до XVIII века) примеры внимания к речевым фактам, особенно процессам номинации, у древнерусских книжников.

В период Московской Руси кодифицирующая роль московского приказного делопроизводства проявлялась в том, что, используя в имущественных росписях название какой-то хозяйственной реалии, писец, не уверенный, во-первых, в общерусском характере слова, во-вторых, в знании читателем хозяйственной полезности того или иного предмета, во избежание непонимания, двусмысленности старательно описывал функцию, предназначение предмета, помогая читателю правильно идентифицировать упоминаемую вещь. Подобная практика способствовала включению функционального компонента в семантическую структуру слова. Вот показательные примеры такого рода (иллюстрации передаются средствами современной графики; курсив везде наш – Г.С.): *да на твои, великого государя, большие товарные весы важня... а важня, государь, учинена для того, что они товары на том дворе весили... на том же дворе сарай, где соль кладут* (1663 г., роспись построек, Псков – Рус-швед. отн., 226); *поставлена швальня шьют на братью всякое брацкое платье* (1684 г., опись С.-Прил. м. – ВОКМ, № 2163, л. 198); *поставил театрум, то есть каменное зело высокое здание со многими теремы для всяких комедий, то есть действенных потех* (1670 г. – Космография, 384); *указал учинити комедию ... и для того действия устроить хоромину вновь... И по тому великаго государя указу камидейная хоромина построена* (1672, Дворцовые разряды – Лет. рус. лит.-ры, 28).

Именно функция считалась определяющим признаком предмета, сделанного человеком для своих нужд, поэтому старорусские лексикографы, раскрывая значение слова, тоже иногда указывали на назначение предмета: *Врачебница: дом где лечат; Боец: оsten чем волю поганяют* (Бер. 16, 17, 187); *Журавель: очеть чем воду черпаетъ* (1700 г. – Номенклатор немецк. 20).

Дополнительно заметим, что указание на род занятий, на выполняемую работу часто выступало мотивирующим признаком для номинации лица по профессии, что подчеркивает социальную значимость этого качества в оценке личности древним русичем: *Жил в дворе поварок Шестюнка ести варил и хлебы пекъ; нанели дрововоза Нечку Росиху из ысад к варнице дров придвигати; розгребалищкомъ дали семь алтын розгребали в поле навоз, наимовали возжелников возити навоз в поле* (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, оп. 1. №6, л. 49, 49 об., 142 об.); *К Велику дни варили пиво.*

Пивовару дал от варенья два алтна четыре денги (1655 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, №46, л. 48 об.); *дано рукавишнику слобожанину Федру от исподок от вязаня пят алтнь* (1622 г., кн. пр.-расх. арх. – ГАВО, ф. 883, №12, л. 170 об.); *дано бочернику от набою от бочек и от чанов набивал обручи* (1633 г., С.-Пр.м. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, №33, л. 23); *наимовал изжениць рож жат* (1638 г., Вологда, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 883, №18, л. 126); *наимовал бороноволокоть паренину боронити и навоз выважживат осмерым выважживаликом дал 6 ал 4 де* (1663 г., пр.-расх. кн., Вологод. у. – ВОКМ, № 2284/4131, л. 9 об.); *работат ему и жит в подконюшниках и пасти коней у мнстря в поскотине* (1689 г., пр.-расх. кн. Тр.-Гледен. м. – ВОКМ, №9548, л. 10).

Оценим другой прием характеристики предмета, также часто употребляемый писцами. Стремясь точно и ярко описать предмет, древнерусский книжник использовал тождесловы – слова той же лексико-семантической или тематической группы: родовые наименования или названия, представляющие разные стороны и качества описываемой вещи. Писец – создатель текста использовал синонимические наименования (однословные и составные) внутри одного и того же текста, в том же или следующем предложении: *жили во дворе в детех наемные казаки Бгдашко да Антонко... наимовали во двор в детеныши Ивашка* (1607 г., Тотьма, кн. пр.-расх. – ГАВО, ф. 512, оп. 1, №6, л. 48 об.); *смечали и ценили в Шуе тюрьму и около тюрьмы тын и сторожню... тюремная изба в тыну трех сажен да изба стороженная полутретьи сажени* (1636 г., роспись, Шуя – АЮБ-III, 375); *и как мы будем у коровья дворца, и те люди проводили нас в Ывановской монастырь... нас проводил от коровни в Ывановской монастырь* (1636 г., В.Устюг, явка – АХУ-3, 193); *нанял Михея Григорьева сна Кожина в валежь на чetyреста сажень... нанял на чetyреста сажень на валежные дрова* (1655 г., Тотьма – ГАВО, ф. 512, №46, л. 67); *вышел на боровое место на сухмен... прилегли места сухменные и нетравяные в тех местах* (1689 г., Вологод. у., записка – ГАВО, ф. 1260, кор. 11); *лежал в сторожке без памяти... Фаддеико к нему монаху для посещения в сторожню приходил... Иеромонах Герман постригал ево Макария в городе Каргополе в тюремной сторожевой избе* (1690 г., Каргополь, допрос – Олонецк. сб.-3, 120).

Подобные случаи свидетельствуют о стремлении писца и к более точному обозначению реалии, и к разнообразию языковых средств. Последнее обстоятельство было решающим при создании художественного текста, см.: *Некий человек дом имея великий прилучен же бе стеною ко хлевинке убогаго некоего работнаго человека... дивляшеся убогаго житию, како в хижнице своей и в толиком убогом жителстве непрестанно веселится..., прииде же ко убогому во убогий домик его, вопросы жену его... принесох аз мех серебра тайно и привесих во дверех храмины твоея* (кон. XVII в. – Державина. Великое Зерцало, 347-348). Приведем пример сознательной рефлексии писца по поводу слов *сенник* – *потклет* в Домострое при описании свадебного чина: *И как время приспеет, пошлют от тещи к жениху старшего слугу сказать, что друшка и сваха едутъ с постелею, велите оуказати сенникъ, и к которому месту приехати, а по обычному потклетъ; и как приедут на дворъ и идут в сенникъ а по простому в потклет* (XVII в. – Домострой. Заб. 172, 183). Здесь *сенник* оценивается как слово высокое, соответствующее значимости свадебного обряда, а *потклет* – обычное, простое, разговорное.

Этот прием среди прочих активно использовала лексикография той поры, ср. разные приемы определения значения слова в словаре П.Берынды: *Гостиница: домъ гостинный; Дреколь, алябарта, галябарда, albo кий, сокира, рогатина; Преторъ: ратушъ, домъ судовый, судилище; Хранило, хранилище, стражъ: сторожа, вежа, або башта, где стражъ стережет, темница* (Бер. 28, 33, 97, 145). Ср. то же в словарях XVIII в.: *Рожонъ, остень* (1700 г. – Номенклятор голланд. 76); *Килимъ, или коверъ; серги, зри оусерязи; Оужице ко-рабелное, или конатъ* (Поликарп. 314, 642, 730).

Третья особенность характеристики предмета древнерусским писцом – подчеркивание его особого признака. Учитывая разнообразие бытовых реалий и иных предметов материальной культуры, множественность их наименований на огромных российских территориях, древнему русичу в интересах общения с жителями других областей приходилось выбирать такие номинативные единицы, в которых легко вычленялся мотивировочный признак или достаточно точно назывался характерный признак предмета: *дровяник, книгохранильница, портомойня, столовая – горница столовая, изба кожевная, сарай кирпичной, камидейная полата*.

Таким образом, необходимость характеризовать предмет побуждала древнерусского писца к поиску адекватных средств для описания предмета, заставляла задумываться над смыслом слов и выражений. Практика составления разного рода описей (росписей, списков) в средневековой России была повседневной: этого требовала торговля, таможенное дело и судопроизводство, родственные и коммерческие отношения и т.п. Самым тщательным образом описывалось любое имущество, вплоть до заплаты на одежде. Наиболее актуальными, как показывают наши наблюдения, явились три способа описания (и соответственно – именования) предмета: 1) непосредственное указание на функцию, предназначение предмета; 2) указание на несколько типичных свойств предмета с помощью синонимического ряда; 3) указание на самое характерное свойство предмета через мотивировочный признак наименования. Во всех этих случаях писец должен был и этнографически точно описать предмет, и по возможности точно назвать его или привести ряд тождесловов, связанных с понятием о данном предмете. 3. Важный момент – частота употребления, о которой во многих случаях исследователи нам ничего не сообщают. Представляется, что все случаи немногочисленного, особенно единичного употребления должны обязательно указываться. Применительно к слову в историческом контексте это особенно важно. Индивидуально-авторские слова и окказионализмы в пору абсолютной диалектной свободы, диктата узуса над нормой были тогда более частыми, чем сейчас. Недопустимо приписывать слову несвойственную ему (в практике исследований – как правило, более позднюю) семантику, сочетаемость, употребительность или особенность функционирования.

4. С проблемой употребительности связана и нечасто упоминаемая проблема единства и тождества исторического слова. Слово не может быть одним и тем же в разные исторические эпохи. Но какова степень его изменчивости – вот постоянный вопрос для историка языка. Приведу простой пример: ведро в древнерусский и старорусский период было предметом бондарного производства, то есть – деревянным, реже – плетеным из бересты, лыка (это был двойной цилиндр). Металлические и пластмассовые ведра – продукт нового времени. Старинные ведра входили в иной, нежели современный, ряд предметов (реалий), соответственно иным было и понятие о ведре, поскольку вслед за материалом менялась форма и

функции предмета. Блюда до XVIII в. были чаще деревянными или глиняными. Бритвы в допетровскую эпоху были только ручными и напоминали складной нож (см. археологические показания [13] и рисунки этих реалий в «Букваре» Кариона Истомина 1694 г.). Меняющийся материальный мир существенно влиял на семантическую структуру и стилистический статус слова, обозначающего изменившийся предмет.

5. Следующее обстоятельство – разнообразие контекстов употребления слова. Абсолютной закреплённости слова за определёнными типами контекстов, кажется, никогда не существовало, и это требует внимательного прочтения и тщательного расписывания многих текстов, независимо от того, какой фрагмент лексикона является предметом исследования. Особый случай – библейские тексты или произведения, являющиеся переложением Библии или созданные на основе Библии. Первооснова употребления в них многих лексем спрятана в глубине веков и в многообразии языков-посредников, и потому функционирование лексемы в таких текстах слабо объясняется особенностями русского языка. Тем более важно разобраться с генезисом таких лексем или оборотов.

6. С этой проблемой связано другое – необходимость учета особенностей текста, например, учет специфики древнерусского литературного текста с позиции древнего русича. Ведь образцовым в ту далекую пору считался текст, максимально повторяющий все достоинства образца, избранного для подражания. Поэтому в текстах, которые в общественном мнении Древней Руси были особо значимы, полагалось в максимальной степени воспроизводить фразеологию и стилистику выбранного образца. Любое отступление было не только литературным грехом, но и религиозной ересью. Возможно, мы, привыкшие к индивидуально-авторской манере изложения, объявляем шедевром древнерусской литературы то, что древнему русичу казалось отступлением от литературного этикета и книжного канона, то есть было дурным с его точки зрения. Заметим, что по-другому ситуация складывается в XIX веке. События Отечественной войны 1812 года способствовали формированию нового для России явления – публичного общения и формирования новых форм и средств публичной речи. Но эти первые ростки (ростопчинские листки-афиши, прокламации Генерального штаба, устные речи Кутузова, Денисова и др., вошедшие в фонд солдатской мифологии)

имели слабое продолжение в агитационной литературе декабристов. До реформ 60-70 гг. XIX века в России не было необходимости в новых формах общения. Поэтому так популярны были письмовники с шаблонами различных писем, разного рода руководства по написанию деловых бумаг, а для устной речи обязательны каноны классической риторики. Отмена крепостного права и последовавшие за этим земская и городская реформы, введение суда присяжных, оформление торгово-коммерческой и кредитно-финансовой сфер, развитие машинного производства и кооперативного движения существенно повлияли на обогащение лексики, на стилистическую перестройку лексической системы. Церковно-проповеднический стиль, судьба которого ещё мало изучена [14], продолжал жить в то время своей жизнью, отчасти оказывая воздействие на некоторые формы литературного выражения. Риторика перестает быть образцом ученой словесности. Разнообразие форм выражения при неуважении к прежним канонам, дух практицизма обусловили замену риторики ортологией. Направление, заданное автором с псевдонимом Н. Абрамов [15], не получило поддержки, зато более простое по исполнению руководство В.И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» стало на долгие советские годы ориентиром для направления, обеспечивающего стабильность и клишированность любых форм публичной речи. Что любопытно, практически не было устной формы публичного выражения. «По бумажке» полагалось выступать в эфире (причем с предварительной записью) и на любом публичном собрании.

7. Проблема типов текста и обусловленность этим лексико-фразеологического наполнения текста – одна из важнейших, но пока типология древнерусских текстов основывается преимущественно на тематическом содержании текста, что явно недостаточно даже для того, чтобы предсказать лексическое наполнение текста. Типология текстов национального периода, с легкой руки М.В. Ломоносова, оказалась связана с жанрами, что имело свою историческую истину для короткого исторического периода, но нельзя признать абсолютно идентичным реальному положению вещей в другие эпохи.

Рассмотренные вопросы не исчерпывают всего списка актуальных проблем исторической лексикологии. Нашей задачей было обратить внимание на наиболее злободневные, от которых зависит

объективность исследований в тех сферах лингвистической науки, которые опираются на данные исторической лексикологии и исторической лексикографии русского языка.

Источники

АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. I–III. СПб., 1890, 1894, 1908 (РИБ, т. 12, 14, 25).

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. т. I–III. СПб., 1857–1884.

Бер. – Лексикон словенороский Памви Беринди. Киев, 1961.

ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

Державина. Великое Зерцало – Д е р ж а в и н а О.А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

Домострой. Заб. – Временник Общества истории и древностей российских. 1850, кн. 6.

Космография – Книга глаголемая Козмография сиречь описание сего света земель. СПб., 1878–1881.

Лет. рус. лит-ры – Летописи русской литературы и древности, 3. М., 1861.

Номенклятор голланд – Номенклятор (лексикон на латинском, русском и голландском языках). Амстердам, 1700.

Номенклятор немецк. – Номенклятор (лексикон на латинском, русском и немецком языках). Амстердам, 1700.

Олонецк. сб. – Олонецкий сборник, вып. 3. Петрозаводск. 1901.

Поликарп. – Поликарпов Ф. Лексикон трезычный, сиречь речений славенских, сличногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

Рус-швед. отн. – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов. М.; Л., 1960.

Примечания

1. Историческая лексикология и лексикография русского языка. Методические материалы. Вологда, 1988.

2. См., например: *Астахина Л.Ю.* Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. М., 2006; *Васильев А.Д.* Введение в историческую лексикологию русского языка. Красноярск, 1997; *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII вв. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001; *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. Вып. 1–5. СПб. /разные годы изданий и переизданий/; *О.А.Черепанова, К.П.Смолина.* Историческая лексикология русского языка: теоретический комментарий, программа курса, литература // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 5. СПб., 2000.

3. *Судаков Г.В.* Проблема периодизации истории русского слова и языковая ситуация в XVIII веке // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется

вечность»: Сб. научных трудов памяти З.М.Петровой. СПб.,: «Наука». 2007, с. 331-341.

4. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973, с. 95; *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 168.

5. *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979, с. 19.

6. *Лавов У.* Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983.

7. См. подробнее в нашей работе: Предметно-бытовая лексика в ономаσιологическом аспекте // Вопросы языкознания, 1986, №6, с. 106-111.

8. *Г.В.Судаков.* Иллюстрация в историческом словаре // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. СПб., 2005, с. 129-137.

9. *Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. М., 1988, с. 7-8.

10. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 285.

11. Современные проблемы источниковедения русской исторической лексикологии рассмотрела Л.Ю.Астахина в своей книге «Слово и его источники» (М., 2006).

12. *Выхрыстюк М.С.* Тобольская деловая письменность второй половины XVIII века в аспекте современного лингвистического источниковедения. Ч.1-2. Тобольск, 2006-2007; Деловой язык XVIII века по архивным данным городов Челябинска, Кургана, Тобольска. Челябинск, 2004; *Малышева И.А.* Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII века // ВЯ, 1998, № 3, *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв). М., 2004, *Трофимова О.В.* Жанровообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности). Тюмень, 2002.

13. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968.

14. См. работу: *Ипатов С.Н.* Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века (на материале творчества святителя Игнатия). Вологда. 2004.

15. *Абрамов Н.* Дар слова. Искусство излагать свои мысли. СПб., 1900, *Абрамов Н.* Дар слова. Искусство писать сочинения. СПб., 1901.

Л.Я. Костючук
Псков

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО СЛОВА: РОЛЬ ТЕКСТОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Слово как главная единица языка, связанная со всеми уровнями, занимает особое место в системе языка. Недаром В.В. Виноградов ставит слово в центр изучения русского языка – вспомним заглавие